

БЕРЕГИ КОСУ, ВАРВАРУШКА

ВАРВАРА ЗАБОРЦЕВА
Родилась в 1999 году в п. Пинега Архангельской области. Студентка Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина. Публиковалась в журналах «Звезда»,

«Юность», «Урал», «Сибирские огни», «Наш современник», «Формаслов». Участник XX, XXI и XXII Форумов молодых писателей России, участник форума молодых писателей России, Казахстана

и Ниргизии (2021). Участник литературной школы журнала «Юность». Шорт-лист международного конкурса фантастического рассказа «Прыжок над бездной» (2022). Живет в Санкт-Петербурге.

Под нашим угором течет река.

Длинная такая, почти как моя коса.

Только теперь у меня нет косы, а река на месте, все бежит и бежит, не устанет. Я, глупа голова, все оглядываюсь да ищу косу по привычке. Раньше спущусь с угора и дожидаюсь, когда же моя копуша скатится.

Ой, как же косу наш Домовенок любил. Я совсем маленькая была, и коса мала – с меня ростом.

Помню, проснусь, а на подушке бантик меня дожидается. То беленький, то розовенький, даже в мелкий горошек. Каждый праздник я с новым бантиком. Вот какой у нас добрый Домовенок. Мне всегда хотелось тоже его порадовать и хоть разочек увидеть бы. Интересно же, как улыбаются Домовенки.

Дедушка сказал, они больно стеснительные, но я всегда могу зажмурить глаза и представить, как улыбается Домовенок. Главное, говорит, чтобы волосы прибраны были, а то спутает меня с вредными Чердачихами, которые на пыльных чердаках живут, – у них вечно волосы растрепанные.

А в один день дедушка уплыл вниз по нашей реке. И Домовенок куда-то пропал. И бантиков больше не было.

Я этот день хорошо помню.

Мы с дедушкой на реке блинчики пускали. Он у меня мастер – до соседнего берега блинчики

выстроятся, будто зверек какой реку перешел. Смотрю, дедушка лодку тащит, а я рада-раде-хонька, уж больно люблю на лодочке с дедушкой кататься. Берет меня на руки, думаю, на лодку посадит, а он как закинет меня на угор – прямо к нашему дому. Стою высоко на угоре. Ветер свищет, коса во все стороны лягается. Внизу стоит маленький дедушка. В лодку садится и говорит:

– Береги косу, Варварушка. Она ото всех бед тебя сбережет. А если коса не справится, дедушка всегда рядом. Беги в дом.

Мы с косой ох как выросли за это время. Бывает, заскучаю по рыбалке с дедушкой, как брошу косу в реку прямо с угора и жду-дожидаюсь. А чем моя коса – не удочка. Все как дедушка делает: брошу и, деловая такая, сажу-дожидаюсь рыбу. Только она что-то не клюет, видно, не глупая. Чует, что не дедушкина удочка.

И вот сажу я, рыбачу потихоньку. Дедушку вспоминаю, Домовенка.

Вдруг я все-все поняла. Глупа голова, чего же раньше не догадалась.

Дедушка за Семгой уплыл. Той самой – большашей-пребольшашшей Семгой. О ней все на Севере знают. Говорят, живет она там, где наша река с Белым морем встречаются. Конечно, дедушка туда поплыл. Разве меня бабушка отпустит до самого Белого моря, вот он один и отправился.

И с пропажей Домовенка все сразу ясно. Они давнишние друзья, а если друга давно нет дома, разве усидишь на месте.

Вот и я второй день места себе не нахожу. Все думаю, как мне дедушку с Домовенком выручить. Думала, думала – ничего не придумала. Поняла только, что бабушке строго-настрого говорить нельзя. Если замешкаемся на обратном пути – все-таки против течения грести нелегко, – она всяко поймет, что к чему. Догадается, куда и зачем мы отправились.

Только где лодку взять.

Думала, думала и придумала – сама смастерила. У сарая дровяного много досок ненужных. Еще крепкие, хороший плот выйдет. Только перевязать нечем, но и тут я быстро догадалась. Отрезала от косы малюсенький кусочек. Ничего, дедушка даже не заметит, зато обрадуется, когда плот мой увидит. Он и правда ничего такой вышел, палку понадежней взяла – и в путь.

По течению чего не плыть – сиди да чуток направляй.

Наша река и правда длинюшша. А по берегам домики деревянные – лепота какая. Плыву да люблюсь, глупа голова, нет бы дедушку высматривать.

Вдруг вижу впереди – черняшша-пречерняшша туча.

Ливень зарядит, вся вымокну, заболею, а дедушку с Домовенком спасти кто будет. Нет, мокнуть никак нельзя. Думала, думала и придумала – косу расплету. Волосы у меня густяшши – дедушкины. Целый дом получился, никакой дождь в него не попал.

Потом я весь день волосы сушила, а еще день косу заплетала. Три дня плыву – дедушку так и не нашла.

Вдалеке вижу – что-то синее-синее, огромное – моими глазенками никак не охватить. Но если бы я была большашшей-пребольшашшей Семгой, поселилась бы именно там.

Откуда ни возьмись – ветер поднялся. Да так разошелся, спасу нет.

Кидает река мой плот туда-сюда. Моргнуть не успела – палку утащила.

Вот тогда я крепко испугалась. Никогда не видела нашу реку в таком плохом настроении. Я тоже, бывает, дравничаю, но не до такой же степени.

Еще плакать придумала – снова дождь зарядил. Изо всех сил пытаюсь казаться невозмутимой. Тут главное – виду не показывать, а быстрее отвлечь. А то повадится дравничать да плакать – куда мы потом с такой капризной рекой.

Смотрю – нет, вроде не мерещится – что-то плывет ко мне.

Анделы, это дедушка на Семге сидит. А с ним еще один дедушка, поменьше только. Тянут ко мне руки, тянут – никак не дотянутся. Ветер как дунет – мой плот, бедолага, еле-еле держится.

Думала, думала и придумала – отрезала косу. Из одной доски торчал большашший гвоздь, остряшший конец у него – им и отрезала.

Закинула косу к дедушке – и все.

Уснула, видно, от страха. Может, не дедушка был это, и не Семга, а лесорубы на катере возвращались да меня на катер подхватили.

Может, и так.

Но косы моей не было. Ничего, отрастет, это беда разве.

Проснулась я дома. Смотрю – под подушкой бантик синенький.

А ночью дедушка снился. Плывет по Белому морю на большашшей-пребольшашшей Семге, а рядом Домовенок. Тут-то я его и разглядела.

Плывут себе, плывут. И оба улыбаются.

РАДОНИЦА НА ОСТРОВЕ КЕГО

Название чудное, но, говорят, исконно северное.
Кего...

Слышалось в крике чаек.

Кего...

Перешептывались на причале.

И вот я уже в толпе. Жду буксир, который идет на Кего.

На Двине всю ледоход.

Смотри-ка, льдины тоже с характером. Упрямые барахтаются, трутся друг о друга, изредка потрескивают. Растерянные упираются в берег, сдавшихся медленно растворяет вода, утягивая на дно. Уцелевшие рано или поздно поддаются течению настырной реки. Но это все так, редкие осколки. Большая часть сразу заняла самое горизонтальное положение и устремилась, куда велела большая вода. Величественное шествие в никуда из ниоткуда.

Май на дворе, а зарядил мелкий град.

Мало льда по сторонам, еще и сверху лупит.

Кего...

Гудок зовет на остров – пора.

За спиной остается Архангельск. До неприличия голый – ни одного зеленого листочка. Только стеклянные новостройки заслоняют его наготу.

Буксир упрямо разрезает лед и уверенно идет на Кего.

Остров проступает сквозь тучи почти земляного цвета. Град и не думает отступать.

Еще издали вижу девочку на пирсе.

Она громко зовет кого-то, радостно оповещая:
– Буксир из города!

Красный капюшон как маяк. Вытаскивает нас на сушу.

Остров подозрительно плоский – как его не затопило в разгар ледохода. Хотя... сколько таких островов в дельте Северной Двины. За каждым не уследишь, каждого не затопишь.

Пока я тут рассуждаю, одна нога уже по колено в воде. Гнилая доска пирса подвела. Ладно, терять нечего. И так сухой нитки нет.

Иду и хлюпаю посреди гробовой тишины.

Куда делись пассажиры, где местные жители.

Передо мной три дороги, если можно так назвать полосы густого грязевого месива. Мысли о сырой хлюпающей ноге улетучивались, предстояло испытание похлеще.

Не каждый день в году встретишь такую грязь. Снег окончательно отступает, и грязь буквально пышет жизнью, бурлит и захватывает улицы. Впитывает все, что таилось под снегом. Даже бедное небо угодило в извилистые ямы, в которых сошлись и вода, и земля, и сама синь, казалось, неуловимого воздуха.

Дорога по центру сманивает меня домиками. Грязь тут же перестает пугать – пугают и за-

вораживают дома. Казалось бы, ничего не может быть темнее этой свежей, очнувшейся земли. Град рябит и рябит в глазах. Из-за него промокшие до черноты дома видятся призрачными, неразрывными с землей – полноправной хозяйкой этих майских дней.

Некоторые крыши поросли зеленым мхом – хотя бы он смутно похож на весну. Изредка вспыхивают веселенькие занавески в цветочек, даже мерещатся силуэты за ними. Заборы – эти еле живые скрещенные вертикали и горизонталы – затягивают вглубь острова Кего.

Снова девочка в красном капюшоне.

Она заприметила желтые цветы и женщину. Желтые цветы и правда приметны – будто вопреки граду и нулевой отметке выскочили наводить весну.

Женщина оказалась ее мамой. Об этом девочка оповещает весь остров Кего.

Красная и коричневая куртки шагают по небу, вязнущему под сапогами. Лиц не разглядеть – слишком сильно затянуты капюшоны. Зато издали видны руки в черных перчатках, которые слились крепче самых прочных корней.

Мама, дочка и желтые цветы идут уверенно прямо. Я за ними. Они непременно должны знать, где же на острове Кего прячется весна.

И правда – из ниоткуда высыпают цветы. Красные, желтые, даже синие.

Их несут коричневые, а иногда даже светло-бежевые люди, которые собираются в один стройный поток.

Впереди – свет.

Сияет тоненькая деревянная мостовая. Вот она – дорога к весне.

Мерещится ли – целое поле цветов впереди. И как же людно – вот где прячутся жители острова Кего.

Слышен колокольный звон.

Ке-го-ке-го-ке-го-ке-го-о...

И тут град рассеялся.

Я стою на кладбище посреди лиц. Они смотрят на меня с памятников и фотографий, из-под капюшонов и зонтиков. Будто спрашивают: что ты здесь делаешь? У меня тоже не было ответа.

Радоница сегодня на острове Кего.

Девочка снимает красный капюшон. Какие же солнечные у нее волосы. Как желтые цветы, которые она заботливо втыкает в землю рядом с фото пожилой женщины.

Проводи меня, девочка. Укажи дорогу назад.

А хочешь, пойдем со мной, пока твоя красная курточка не стала коричневой от дождей и грязи. Я куплю тебе белые туфли. За рекой есть места, где даже можно ходить босиком. А кораблей, сколько разных кораблей, вовсе не один пытящий буксир, который ты бегаешь встречать, наврное, каждый день.

Проводи меня, девочка. Укажи дорогу назад.

Я расскажу о вашем острове.

И кто-то обязательно услышит в крике чаек знакомое –

Кего...

Значит, Кего все-таки существует.

И может быть, даже радуется.

СВЕТЛЯЧКИ ВЕРНУТСЯ НА СЕВЕР

В белые ночи сна не видеть.

Хоть глаза зашейте, не спится – и все.

Ангелы, как светло – беги да второй раз день проживай. Бабушка говорит, коли хороший день выдался – еще раз ему порадуйся, а ежели худой – поправить можно, чур быть, и не зря прожит будет.

Лежу да ворочаюсь, с боку на бок катаюсь. Казалось, каждое перышко в подушке пересчитала да перещупала, а сон так и не нашла.

Смотрю в потолок, а на побелке будто день вчерашний проглядывает. В самом центре трещинка – длинная такая – это наша речка. Три раза до нее сбродили, вода еще не прогрелась, но мы с сестрой закаленные, все лето в воде просидели бы. А нет, еще мы ягоды разные любим. Все бочки на огороде вычерпали на клубнику да смородину, ведер сто чехнули не жалеючи, чтобы ягодки скорее поспели. Так уработались, что на потолке грядки мерещатся – большашши, много ягод будет. Пирогов напечем, лепота. Вон, в углу у паутины – будто целый противень пирогов из печи вылезает. Может, съесть что-нибудь, быстрее усну...

Пробираюсь на кухню.

И тут слышу запах – будто сама белая ночь вместе с комарами в открытую форточку прошмыгнула. Как тут не выйти ей навстречу.

Дома, сарай, бани, даже мой любимый магазин, куда завтра привезут мороженое, – все растворилось. Осталась только черемуха. Улица белой че-

ремухи – как ей идет это мягкое небо. Ветки все ближе и ближе. Подхватывают меня, несут к самому небу, на котором нет солнца, но оно, ночное июньское небо, все равно теплое.

Как я люблю кататься на ветках. Все обожают велики, самокаты, а мы с сестрой только и ждем, когда нас подхватят ветки. Одна ветка передаст другой, затем нас подхватит следующее дерево, за ним соседнее. И так понесут – далеко, близко ли, – к лесу, на реку или даже в небо. К облакам часто нельзя, больно они стеснительные, но однажды я все ж разглядела у одного голубые глаза и нос картошкой.

Спускаюсь и вижу внизу еще одно небо. Это наша река. На берегу ни души. Только черемуховая, речкина и моя. Снимаю шлепки и хожу по воде. Наша речка такая тихая, такая гладкая, что я на цыпочках, еле слышно хожу – может, хотя бы наша речка сегодня спит.

Интересно, какие сны снятся нашей речке. Может, она вспоминает детство – у нашей речки все не так, как у нас. Это мы с сестрой делаем черточки на стене под выключателем, чтобы каждое лето смотреть, на сколько мы подросли. Как дорастем до выключателя, значит, совсем большие стали – мне буквально мизинчик остался, а сестре где-то кулачок. А наша речка не растет, наоборот, год от года становится только меньше. Бабушка говорит, раньше по ней

корабли ходили. Большашши, с музыкой, танцами и целыми ящиками мороженого. А сейчас – ящиков десять поперек влезет и все, только если паровозиком...

А может, нашей речке снится море, к которому она все бежит, да никак не прибежит. Море Белым называется. Я никогда его не видела, но думаю, оно похоже на большашший-пребольшашший тазик с водой, сплошь усыпанный лепестками черемухи. Не зря же его Белым назвали.

У меня сна ни в одном глазу, от холодной воды даже зевать перестала.

Сию на траве да травинки разглядываю – расцвет дожидаюсь. А травинки оказались совсем не одинаковые – совсем разного зеленого цвета. Это как глаза у моей семьи. Бабушка, мама, я и сестра – у всех глаза зеленые, но совсем не одинаковые. У мамы скорее яблочные, а у бабушки похожи на свежую капусту. Глаза сестры точь-в-точь как леденцы, то ли мятные, то ли арбузные. А свои... свои особо и не рассматривала, говорят, просто – зеленые глаза.

И тут между травинками вижу – что-то светится. Думаю, вдруг рассвет в траве запутался, выручать надо. Пригляделась несколько раз... точно ли... Да, точно – светлячок в траве спит.

Бабушка говорит, если увидишь спящего светлячка в белые ночи, нужно обязательно его разбудить, а то он все лето проспит, а может и совсем не проснуться. Вот почему светлячков на Севере почти нет. Увидеть светлячка – большая редкость, а значит – ответственность. Я не могу подвести бабушку, да и Северу без светлячков совсем худо. Как там... присказка есть:

*Светлячок-светлячок,
Поделись со мной сном,
Полетай над рекой,
Покружи над травой.*

Поглаживаю светлячка да приговариваю. Шепотом приговариваю, речку-то не хочу будить. Спела ему разочек-другой, он и просыпается потихоньку. Глазки вылупил, а я давай их рассматривать. То ли трава отражается в них, то ли он тоже – зеленоглазый немножко.

Долго не думал светлячок, проснулся да полетел над рекой. В волосах моих чуток запутался, но ничего, быстро дорогу нашел, шустрый такой.

*Светлячок-светлячок,
Ночкой не спи,
Летай над рекой,
Кружи над травой.*

Бабушка говорит, если разбудить светлячка, он обязательно тебя выручит в самый нужный момент. Ты уже забудешь, а он все равно прилетит.

Надеюсь, бабушка сейчас спит и не знает, что я посреди ночи бужу светлячка. Конечно, она обрадуется, что я нашла своего светлячка и даже смогла разбудить его, но вначале сто раз повторит, что сильно волновалась, как это делают все приличные бабушки.

...

И вот я уже сама бабушка – стукнуло семьдесят, шутка в деле. Светлячка моего я больше не видела, и этому очень радуюсь. Всю жизнь помнила, что у меня есть мой светящийся оберег. И если он пока не прилетел, значит, еще увижу белые ночи.

